

А. Е. Козлов

Новосибирский государственный педагогический университет

«ДВОЙНИК ГОСПОДИНА ДВОЙНИКОВА»: К ВОПРОСУ О ПРАГМАТИКЕ ВТОРИЧНОГО ТЕКСТА

В аспекте взаимодействия классики и беллетристики анализируется заведомо подражательный литературный дебют. Функционирование вторичного текста изучается через механизмы присвоения авторской поэтики на уровне фабулы, стиля и приема, при этом учитывается прагматика участия агентов издательского процесса: писателя, издателя, литературной критики.

Частный эпизод из истории русской беллетристики – появление в печати повести «Двойник» после ареста петрашевцев – рассматривается как типичный для поля беллетристики и нестандартный для писательской этики. Неслучайно автор повести, брат петрашевца Дмитрий Ахшарумов, Николай Ахшарумов до конца жизни скрывал свое авторство, а критики и современники встретили это произведение с недоумением. Во многих отзывах, с нашей точки зрения, звучит завуалированное сравнение новоявленного «Двойника» с петербургской поэмой Достоевского, имя которого, по понятным причинам, составляло «фигуру умолчания».

В статье рассматриваются границы и возможности вторичного текста: отталкиваясь от сюжета абсурдистской повести Достоевского, Ахшарумов возвращает ей нормативность, осуществляя своего рода обратный перевод произведения.

Ключевые слова: ахшарумовские вариации, фабула и сюжет, классика и беллетристика, вторичность и альтернативность, русская литература XIX века, Достоевский.

Думать, что станешь классиком, подражая определенным качествам чистоты, строгости, безупречности и изящества языка, независимо от своей манеры письма и собственной страстности, значит, думать, что после Расина-отца могут возникнуть Расины-сыновья, – выполнять эту роль – занятие почтенное, но незавидное, а в поэзии худшей и не придумать.

Ш. Сент-Бёв

Устойчивость механизмов репликации в культурном пространстве определяет наряду с самостоятельной «канонической» линией линии эпигонства и подража-

Козлов Алексей Евгеньевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия, alexey-kozloff@rambler.ru)

ния. Эти подражания могут носить разный характер: в одних случаях можно говорить о соперничестве и борьбе, в других – об «обожании» объектов подражания [Блум, 1998]. В любом случае эпигонский текст существует в рамках чужой, присвоенной поэтики, которая будет ограничивать и задавать пределы не только на уровне фабулы, сюжета или композиции, но и на уровне стиля. Соответственно горизонт ожиданий читателя вторичного текста постоянно сужается, а появляющиеся двойники существующих текстов практически никогда не могут встать на место оригиналов. Однако само их появление симптоматично и позволяет восстановить читательские интуиции, реконструировав историю читательского вкуса.

Неслучайно и то, что во время появления таких вторичных по своей сути текстов, захватывая книжный рынок, издатели «толстых журналов» нередко утверждали монополию, исключительное право на определенные сюжеты [Зыкова, 2005; Рейтблат, 2009]. Так, например, вольно или невольно «Отечественные записки» 1852–1853 гг. аккумулировали в своей беллетристике комплекс гоголевских сюжетов, а «Современник» 1860-х гг. многократно реплицировал сюжеты романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Рассмотренная далее ситуация, на наш взгляд, довольно ярко показывает, как разделяется ответственность между писателем и издателем, отражаясь на репутации частного лица и издания в целом.

* * *

В 1850 г., после объявления приговора петрашевцам, в январском номере «Отечественных записок» под псевдонимом Чернов была опубликована повесть «Двойник». Прагматика А. Краевского кажется довольно понятной: журнал, активно печатавший произведения Ф. Достоевского до катастрофы 1849 г., принял повесть начинающего автора, чтобы удовлетворить читательский запрос на определенный тип фантастической литературы и показать, что журнал способен открывать «новых Достоевских» (так, например, в 1848 г. в журнале было напечатано стихотворение А. Майкова «Двойник»). А. В. Дружинин, по-видимому, расшифровав эту интенцию, писал в «Письмах иногороднего подписчика»:

Повесть, из которой я прочел третью часть, принадлежит г. Чернову и называется «Двойник». Так как я не имел времени кончить этой повести, то и не берусь судить о ее недостатках и достоинствах; упомяну только о влиянии его, на меня произведённом, – влиянии, в котором виноват был не автор «Двойника», а я сам. <...> Роман нового писателя, повесть молодого литератора! С этими словами у меня сливается идея о произведениях *неправильных, жарких, юных, поэтических*¹, – произведениях, вырвавшихся из души, – произведениях, родившихся из первых воспоминаний, из светлого опыта, вследствие страданий, которые радостны, и радостей, оканчивающихся страданиями. В первом произведении нувеллиста я ожидаю видеть нечто особенное, не подходящее под схоластическую мерку критики, прекрасное в своих ошибках, ошибочное в самых душевных страницах, растянутое, недосказанное и все-таки изящное.

<...> Так вот по каким причинам я люблю труды молодых нувеллистов, и вот почему начал читать «Двойника» г. Чернова. Но, не найдя в этой повести и следов чего-нибудь юношеского, я ее оставил и тем, может быть, лишил себя удовольствия – об этом судить не могу. Повесть как повесть, и, может быть, при конце она довольно занимательна [Дружинин, 1850, с. 190–192].

Как следует из приведенного фрагмента, дебютному тексту простительны многие ошибки начинающего автора: можно написать хорошее произведение,

---

¹ Курсив мой. – А. К. Выделенные слова, предположительно, могут содержать в себе «фигуру умолчания» – описание петербургской поэмы Достоевского.

а можно дурное – что извиняемо молодостью. Однако автор очередного «Двойника» сочинил текст, который можно *не читать* или *не дочитать*. Среди оснований для такого отзыва, как нам представляется, – не только общая критика стиля или сюжета произведения, но и недоумение, связанное с соотношением текста с петербургской поэмой Достоевского, невозможной тогда для прямого упоминания в печати.

В «Осенних толках о русских журналах» («Отечественные записки», 1850) повесть начинающего писателя была представлена чуть ли не как программная:

Покажите мне, хоть одну повесть, которая стала бы по мысли наряду с «Дневником» г. Чернова, напечатанным в «Отечественных записках» нынешнего года?!» [Н. Осенние толки..., 1850, с. 294].

Как отмечалось ранее, Краевскому, лишившемуся сразу нескольких сотрудников издания (в том числе Плещеева, Достоевского, Майкова), вероятно, важно было показать, что их отсутствие не является потерей, а «монополия на двойника» принадлежит не писателю, а журналу². В ответ на вызов редакции Краевского Н. А. Некрасов в «Литературных объяснениях» «Современника» остроумно парировал:

Что нужды! «Покажите мне, – восклицает редактор “Отечественных записок”, – хоть одну повесть, которая стала бы по мысли наряду с “Двойником” г-на Двойникова, напечатанным в “Отечественных записках” нынешнего года?!» [Некрасов, 1850, с. 100].

Таким образом, меняя исходную фразу (и справедливо корректируя неточность, допущенную критиком «Отечественных записок» в названии текста), Некрасов не только показал непривлекательную роль, но и перечеркнул дальнейшую литературную карьеру г-на Чернова (впоследствии произведения под этим псевдонимом не появлялись).

Действительно, автор этой повести – Николай Дмитриевич Ахшарумов, – судя по многочисленным *curriculum vitae* и самостоятельно составленным спискам произведений, остался анонимным и до конца жизни так и не признал своего авторства, что, наряду с иными обстоятельствами, существенно усложняет объяснение его прагматики.

Брат петрашевца Дмитрия Дмитриевича Ахшарумова, осужденного по делу о «первых русских фурьеристах», начинал «Двойником» свой литературный путь: публикация в «Отечественных записках» должна была стать дебютом, определяющим его дальнейшую литературную карьеру. Судя по времени появления в журнале, повесть поступила на рассмотрение редакции весной: если это было сделано до 20 апреля 1849 г., то в дебютной повести можно увидеть как обожание, так и присвоение поэтики Достоевского. Если, что более вероятно, повесть была отдана в редакцию после заключения петрашевцев в Алексеевском равелине, то в тексте можно видеть как акт сочувствия петрашевцам (в том числе, Достоевскому), так и холодный расчет (встать, на место другого – практически повторить поступок Голядкина-младшего в жизни). Наконец, начинающий автор мог прислушаться к советам наставника Краевского и изменить название своего произведения (использовав номинацию «Двойник» вместо «Дневник»).

---

² Требуется прояснения и альтернативная номинация – повесть, написанная в форме дневника, получила в журнале название «Двойник», однако в критической статье она по-прежнему называется «Дневником».

Ситуация с «Двойником», на наш взгляд, выглядит особенно странной и необычной в силу того, что традиционно объектом подражания становятся либо знаковые, либо прецедентные, порою резонансные тексты литературы, – ни та, ни другая характеристика не может быть применена к «Двойнику» с точки зрения современников Достоевского. Как известно, литературная репутация последнего с 1846-го до 1849-го не только не упрочилась, но, напротив, пошатнулась (от признания «Новым Гоголем» после публикации романа «Бедные люди» до констатации Белинского о сделанной им ошибке), при этом одним из аргументов в «развенчании» Достоевского со стороны «натуральной школы» и ее противников выступал именно «Двойник».

При анализе двух «Двойников» мы будем исходить из 1) сюжетного кода двух произведений, 2) фабульных совпадений; 3) стиля двух текстов. Сравнительное изучение текстов в названных аспектах может позволить прояснить прагматику Ахшарумова, решившегося вступить в мир литературной беллетристики с повестью «Двойник»³.

Фабулы произведений при наличии общих событий разнятся. Цепь событий у Достоевского не имеет строгой причинно-следственной связи и предполагает значительную вариативность (из вариантов и черновых записей следует, что Голлядкин мог стать как Наполеоном, Периклом, так и петрашевцем, рассуждающим про «кислород» и «водород») [Достоевский, 1972]. В «Двойнике» Ахшарумова действие разворачивается последовательно:

...молодой человек решается на крутой перелом в своей жизни; он хочет бросить свою прежнюю беззаботность, расстаться с юношескими благородными, но, по его мнению, неприменяемыми к практической жизни стремлениями и идти по новому пути, где в будущем ему видятся положения в обществе, удобства жизни, – хороший стол и т. д., – одним словом, все прочные, не мечтательные наслаждения. В пользу своего обдуманного решения он успел уже принести жертву – это Верочка, бедная девушка, страстно его любящая. Он бросил ее потому, – как сам говорит, – «что она не имела никакого воспитания, что она не могла следовать за ним в ту сферу жизни, куда влекли его сильные желания и страсти, проснувшиеся с годами». Идя последовательно, он женится на скромной девушке из хорошего семейства, берет выгодное место, нанимает хорошую квартиру; но скоро оказывается, что для достижения новой выбранной им цели недостает ни жениного приданого, ни жалованья, получаемого с выгодного места; а между тем он уже слишком затянулся: новое положение в свете, новые связи имеют свои требования, для выполнения которых нужны деньги. Где взять их? – Остаются так называемые неблагородные средства. Герой наш останавливается на минуту перед этим пожертвованием; но ему нет ниоткуда поддержки. Тесть и теща прямо намекают ему на эти неблагородные средства; жене тоже хочется непременно дачи. Тогда он падает окончательно [Эдельсон, 1851, с. 134]⁴.

---

³ Дебютная повесть Н. Д. Ахшарумова «Двойник» уже неоднократно становилась предметом внимания исследователей. Вслед за Г. М. Фридлиндером в академическом литературоведении повесть рассматривается как «подражательная», «написанная под влиянием» Достоевского [Фридлиндер, 1972]. Анализу повести посвящены статьи Н. В. Володиной [2015; 2016], рассмотревшей «Двойника» на фоне национальной традиции – от Погодельского до Достоевского, и Н. В. Полковниковой [2012], обратившейся к анализу мотивов игры в произведении. Попытка описать стиль произведения в связи с пушкинской традицией осуществлена нами ранее [Козлов, 2017]. Опираясь на сделанные наблюдения, мы рассматриваем дебютное произведение Ахшарумова в аспекте «подражания», т. е. перевода и переписывания (продолжения) чужого текста.

⁴ Мы осознанно обращаемся к пересказу произведения, сделанному критиком и современником Ахшарумова, несмотря на очевидные искажения, обычно сопровождающие такое повествование в критике [Печерская, 2015].

В двух повестях представлены принципиально разные сферы быта – чиновника и состоятельного молодого человека, живущего светской жизнью; отличается и исход ситуации: если «Двойник» 1846-го обрывается парафразом гоголевского «Носа», а финал приключений господина Голядкина остается открытым, то в «Двойнике» Ахшарумова развязкой становится расправа главного героя Алексея Петровича Б* над своим alter ego. В то же время при разнице исходов сюжетных ситуаций ряд ключевых эпизодов явным образом дублируется, обнаруживая в произведении Ахшарумова осознанное перефразирование (поездка к доктору (Рутеншпиц = Мориц), встреча с двойником ненастной петербургской ночью, случайное столкновение в трактире).

Общая претензия к стилю «Двойника» Достоевского была лаконично выражена Белинским: «автор рассказывает приключения своего героя от себя, но совершенно его языком и понятиями»; «почти все лица в нем, как ни мастерски, впрочем, очерчены их характеры, говорят почти одинаковым языком» [Белинский, 1956, с. 82–83]. Учитывая «неудачу» своего современника, Ахшарумов как бы переписывает исходный текст, представляя события в пределах одного стиливого регистра. Монологизм речи повествователя в «Двойнике» Ахшарумова определяется условно выбранной формой – дневником. При этом из начального комментария следует, что предлагаемый текст – результат совокупных усилий анонимного чиновника и доктора.

Случаем достался мне в руки дневник, предлагаемый здесь читателю. Каким именно? Этого я не скажу, да и совсем не в этом дело. Содержание его показалось мне отчасти похожим на те рассказы, которые читывал я иногда, и это сходство дало мне первую мысль пустить в печать тетради, уже давно хранившиеся в моем портфеле. Но тут встретилось маленькое затруднение. Я спрашивал себя: как предложить я публике такую вещь, которая, очевидно, писана была не для нее? Надо же хоть слог несколько поправить! Надо на главы разделить, приискать эпитафии, дать название... А я сам, кроме казенных бумаг, да переписки с родственниками, в жизнь свою не писал ни строчки [Ахшарумов, 1850, с. 1].

Создавая такую повествовательную рамку, Ахшарумов сообщает происходящим далее событиям естественную мотивировку условности (как и в «Повестях Белкина», издатель-дилетант (Алексей Петрович Б* ≈ Иван Петрович Белкин), как и в «Герое нашего времени», повествователь не является свидетелем происходящих событий). В то же время с первых страниц текста обнаруживается его вторичность – читателю предлагается соотнести произведение не только с не названной, но очевидно подразумеваемой повестью Достоевского, но и вспомнить другие беллетристические тексты со сходной сюжетной коллизией (*читывал иногда* – т. е. неоднократно). Последовательно рассказывая о правках, внесенных рукой друга-доктора (у текста появляется еще один фиктивный соавтор), в результате которых произведение оказывается ориентированным на *историю болезни*⁵, Ахшарумов, тем не менее, не меняет стилистического регистра, в предисловии к повести нет смены стиля, повествование едино и монохромно.

В сущности, появление второго Голядкина не мотивировано сюжетом повести: как и в «Носе» Гоголя, абсурдное происшествие становится неотъемлемой частью

---

⁵ Н. В. Володина пишет об этом: «Повесть Ахшарумова написана в форме дневника главного героя (Алексея Петровича); и то, что происходит с ним, он сам воспринимает как болезнь. Именно так называется первая часть повести. Название второй – *Кризис*, третьей – *Ампутация* (имеется в виду переносное значение этого слова). Алексей Петрович прячет дневник, ибо боится, что кто-то, случайно прочтя его записки, примет его за сумасшедшего» [Володина, 2016, р. 145].

абсурдности мира. Иначе у Ахшарумова: представляя развернутое описание истории болезни, рассказчик подробно останавливается на средствах лечения (*гофманские капли, магнетизм, вольтов столб, лечение гальванизмом*).

Однако ключевое различие состоит в сюжетной функции двух двойников. Голядкин-младший у Достоевского, подобно Носу у Гоголя, претендует занять место в социальной структуре, вытеснить господина Голядкина из бытия [Печерская, 1989; Дилакторская, 1999; Казаков, 2012]. Заметим, что при этом двойник Голядкина не изменяется от встречи к встрече, а каждый раз предстает в своем отвратительном воплощении, подобно двойнику в «Эликсире Сатаны» [Fagner, 1965].

В повести Ахшарумова двойник изменчив внешне и внутренне – если в первые встречи двух героев он является насмехающимся и порицающим, отвращающим от себя Алексея Б*, то ближе к концу произведения предстает скорее тенью прошлого – он одет в старую одежду, говорит шепотом и беспрестанно плачет (как бы оплакивая героя). Безымянный двойник не хочет и не может стать на место Алексея Б*, являясь его alter ego, воплощением совести. Неслучайно поэтому Ахшарумов отчасти использует спектр метафор, воспринятых из литературы: «лёд и пламень», «хладный яд»⁶.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, как кодируются сюжеты двух «Двойников». В случае с «Двойником» Достоевского основу кода (и в первоначальной, и в последующих редакциях), как известно, составляют произведения Гоголя – петербургские повести («Шинель», «Нос», «Записки сумасшедшего») и «Мертвые души». Достоевский, безусловно, учитывает широкий контекст западноевропейской литературы (особенно готического романа (Дж. Хогг, Т. Квинси), а также прозу Э. Т. А. Гофмана и – что маловероятно [Блеск и нищета..., 2017] – Э. А. По), значительно изменяя сюжет русской романтической прозы (А. Погорельский, О. Сомов, В. Одоевский), однако не повторяет ни одного сюжетного шага своих предшественников. Исключение, как неоднократно отмечалось исследователями, составляет «перевод» «Doppelgänger» Гофмана на язык Голядкина (заикающаяся, постоянно останавливающаяся речь)⁷. Сюжетосложение «Двойника» Ахшарумова отчетливо ориентировано на существующие в литературе модели: *мотив договора с нечистой силой* (проходим, доктором и пр.) и *утраты возлюбленной* восходит к «Удивительной истории Петера Шлемиля» Шамиссо⁸ и «Исповеди любителя опиума» Т. Квинси. Диалог героя и его alter ego в общих чертах повторяет «Декабрьскую ночь» Мюссе:

---

⁶ Последняя отсылка к пушкинскому «Демону» заставляет увидеть в «Двойнике» отражение основной коллизии «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова.

⁷ При этом сюжет собственно «Doppelgänger» явно учитывался Достоевским на уровне отдельных фабульных эпизодов: переписка и соперничество двух двойников, бегство в карете и пр. Однако мелодраматическое построение повести Гофмана скорее пародируется Достоевским и отрицается Ахшарумовым.

⁸ См. рассуждение о душе в двух произведениях: «А позвольте спросить, что такое ваша душа? Вы ее когда-либо видели? И на кой прах она вам нужна после смерти? Радуйтесь, что нашли любителя, который еще при жизни согласен заплатить за нее чем-то реальным, а именно – вашей телесной тенью, при помощи которой вы можете добиться руки любимой девушки и исполнения всех желаний, за завещание этой неизвестной величины, этого X, этой гальванической силы, или поляризирующего действия, или как вам будет угодно назвать всю эту галиматью» (пер. с нем. И. Татариновой). «Напряжение, разрыв – все это могло бы иметь смысл опасный, если бы дело шло о какой-нибудь жиле, о каком-нибудь суставе вашего тела... но ведь мы говорим о душе, сударь мой, о душе, принципе неделимом, нераздробляемом» [Ахшарумов, 1850, с. 14].

Je m'en suis si bien souvenu,
Que je l'ai toujours reconnu
A tous les instants de ma vie.
C'est une étrange vision,
Et cependant, ange ou démon,
J'ai vu partout cette ombre amie⁹.

В то же время при разработке характера двух двойников Ахшарумов очевидным образом опирается на новеллистику По, в частности на его рассказ «Уильяма Уильсона». Следует отметить, что По, вслед за В. Ирвингом, переосмыслил романтический сюжет, противопоставив двойнику-трикстеру как воплощению греховной стороны человека двойника, олицетворяющего совесть и нравственное начало¹⁰. Знаменательно, что в сюжете «Уильяма Уильсона» двойник выступает в роли разоблачителя героя, при этом он говорит тихим голосом (тихий голос совести) и является заведомо слабее его. Представляется вероятным, что Ахшарумов, интересовавшийся, судя по его переводам, преимущественно английской (включая американскую) литературой, мог быть знаком с новеллами Э. А. По; не исключено, что псевдонаучное описание фантастического опыта (использование гальванизма для разделения человека), могло быть почерпнуто им из неизвестного нам текста-посредника¹¹.

Очевидной точкой совпадения «Уильяма Уильсона» и «Двойника» Ахшарумова становится развязка произведения. Погибая от руки Алексея Б*, его двойник успевает сказать: «Я и ты, мы нераздельны, хотя и живем давно уже врознь. Но пока я жив, я тебя не оставлю! Одна смерть может разлучить нас вполне» [Ахшарумов, 1850, с. 42]. Расправившись со своим alter ego, герой упоминает о том, что продолжает слышать голос: «Убил! Убил! Убил лучшую половину души своей» [Там же]. В этих словах заключен даже не пересказ, а перевод заключительных слов героя По: «You have conquered, and I yield. Yet, henceforward art thou also dead – dead to the World, to Heaven and to Hope! In me didst thou exist – and, in my death, see by this image, which is thine own, how utterly thou hast murdered thyself»¹².

Наряду с влиянием Э. А. По следует отметить тяготение финала произведения к одноименному стихотворному тексту – стихотворению «Двойник» А. Я. Майкова (1847), также опубликованному на страницах «Отечественных записок». Первая часть стихотворного текста предполагает описание пышного пира и осложняется мотивом ожидания.

Назвавши гостей, приготовил я яств благовонных,
В сосуды хрустальные налил вина золотого.

---

⁹ «Везде, везде, где я скитался / Где сна бесплодно добивался, / Где скорой смерти жаждал я, – / Ко мне являлся призрак бледный, / В одежде траурной и бедной, / Как брат похожий на меня» (пер. с фр. П. Козлова). В то же время следует отметить, что двойник у Мюссе – синоним одиночества (*je suis la Solitude*).

¹⁰ В. Ирвинг в эссе «Ненаписанная драма лорда Байрона» представил фабулу истории о борьбе человека со своим двойником-совестью. В финале истории измученный преследованиями человек убивает своего двойника. Принято считать, что Э. А. По буквально откликнулся на это предложение своим рассказом.

¹¹ В «Уильяме Уильсоне», как и в других текстах По, используется авторское сравнение *struck upon soul with the shock of a galvanic battery* («Loss of Breath», «The Premature Burial», «A Tale of the Ragged Mountains»).

¹² «Ты победил, и я сдаюсь! Но отныне ты тоже умер – умер для Мира, для Небес, для Надежды! Во мне ты существовал – и убедись по этому образу, твоему собственному, что моей смертью ты убил самого себя» (пер. с англ. М. Энгельгардта).

Литературная жизнь сюжета

Убрал молодыми цветами свой стол, и, заране
Веселый, что скоро здесь клики и смех раздадутся...
[Майков, 1847, с. 71]

Отметим, что роковая встреча с Двойником, описанная в повести Ахшарумова, происходит в трактире после шумного гуляния, когда герой, впавший в полудрему, просыпается за столом один. У Майкова читаем дальше:

Эх, сяду за кубок один я... Один ли?.. А он, неотступный,
Зачем он, непрошенный гость, предо мною уселся,
С насмешкой глядит мне в глаза? И напрасно движенья
Досады и ревности скрыть перед ним я стараюсь...
Ох, трудно привыкнуть к нему, хоть давно мы знакомы!
Всё страшно в нем видеть свой образ, но только без сердца,
Без страсти и с вечно холодной логической речью...
[Там же]

В сущности, текст Ахшарумова задает именно такую оппозицию. Холодный и рациональный характер главного героя (совершив убийство, он надеется, что его «здравый рассудок еще не умолк») противопоставлен его совести. Не менее значимой представляется и буквализация заключительной метафоры в тексте Ахшарумова:

Софист неотступный, оставь меня! Что тебе пользы,
Хирург беспощадный, терзать мою душу¹³?..
[Там же]

Таким образом, Голядкин Достоевского представляет собой «национальную вариацию» «Доппельгангера» [Блеск и нищета..., 2017], в то время как «Двойника» Ахшарумова более справедливо назвать «обратным переводом». Этот перевод заведомо абсурдистского сюжета, построенного на парадоксе сознания, предполагает ревизию сюжетной схемы и обращение к ее различным национальным вариантам. Вопреки устоявшемуся мнению можно предположить, что Ахшарумов не только подражает Достоевскому, но обнаруживает удивительное переписывание, фактически «сглаживание» оригинального текста.

¹³ Данная метафора восходит к стихотворению М. Ю. Лермонтова «Не верь себе».

Выше было сказано о равнодушии критики к произведению автора. Тем не менее литературный дебют сыграл определенную роль в карьере Ахшарумова. В-первых, после первой публикации Ахшарумов становится сотрудником журнала «Отечественные записки», где заявляет о себе как переводчик (романы С. Уоррена и, предположительно, У. Теккерея). В течение 50-х гг. он опубликует здесь только одно художественное произведение собственного сочинения – повесть «Игрок», основную часть журнальной работы писателя займут его переводы и критические разборы. Сотрудничество Ахшарумова и журнала продолжится до конца 70-х гг. Во-вторых, «Двойник» был прочитан «главным читателем» – о тексте узнал Достоевский, который в одном из первых после освобождения писем к брату писал о своих литературных пристрастиях: «Что Краевский, и в каких вы отношениях? Островский мне не нравится. Писемского я совсем не читал, от Дружинина тошнит, Евгения Тур привела меня в восторг. Крестовский тоже нравится» [Достоевский, 1996, с. 93], и через абзац в примечании оставил вопрос: «Кто такой Чернов, написавший “Двойник” в 50 году?» [Там же]. Знаменательно, что наряду с сильными оценочными суждениями о текущем литературном процессе вопрос о повести звучит подчеркнуто нейтрально (Достоевского интересует не *какой* текст, а *кто* его написал). М. М. Достоевский не дал ответа на этот вопрос; пока невозможно установить, смог ли автор петербургской поэмы раскрыть данный псевдоним.

Не меньше вопросов оставляет и финал второй редакции «Двойника» Достоевского. В черновых записях писателя актуализирован мотив отправления Голядкина-старшего в ссылку, «двойник же по подленькому обыкновению своему подсаживал сзади» [Достоевский, 1972, с. 229]. Как известно, в финальной редакции Голядкин вместе с Рутенштицем отправляется «на казенный квартир, с дровами, с лихт и с прислугой» [Там же]. Обращаясь отчасти к автобиографическому сюжету, Достоевский тем самым отказывался от абсурдистской развязки в стиле «Носа». Гипотетически в творческой лаборатории писателя мог отразиться не сюжет «Двойника» Ахшарумова, а *факт* публикации одноименного текста, хронологически почти совпавший с отправлением в ссылку. Впрочем, нет никаких текстологических данных, сколько-нибудь подтверждающих это предположение¹⁴.

* * *

Дебютное произведение Ахшарумова определило не только его литературную репутацию, но и очевидное направление критики в его адрес: он воспринимался в первую очередь (не всегда, кстати говоря, оправданно) как эпигон Достоевского. Хотел ли того сам Ахшарумов или надеялся произвести фурор, стать новым Достоевским, учеником, превзошедшим учителя? Ответить на этот вопрос однозначно не представляется возможным, однако очевидно, что «Двойник» Ахшарумова определяет профиль авторской личности писателя с его страстью к *чужим именам* в литературе и жизни и специфику социально-культурной роли эпигона – буквально *идущего по следам*.

Резюмируя, отметим: словосочетание «двойник господина Двойникова», вынесенное в название статьи, было использовано Н. А. Некрасовым в конкретной

---

¹⁴ В черновых набросках к предполагавшейся переработке повести Достоевского мы находим описание сюжета, косвенно свидетельствующее о возможном диалоге с Ахшарумовым: «Младший рассказывает, что знает все тайны старшего, точно он олицетворенная совесть старшего» [Достоевский, 1972, с. 309] Тем не менее данный вариант сюжета не получил развития, и у нас нет оснований говорить о том, что Достоевский сколько-нибудь учитывал произведение Ахшарумова.

историко-литературной ситуации в отношении конкретного текста, однако его семантическая емкость, как кажется, описывает целый круг подражательных явлений. Действительно, эволюция литературы ознаменована не только постоянным возмущением литературного поля и утверждением прецедентных текстов, но и своеобразным двоением и умножением, в результате которого быстрее осознаются рудименты и атавизмы стиля, сюжета, повествования. Поэтому описанные выше наблюдения представляется возможным распространить на многие явления беллетристической так называемой эпигонской литературы.

Список литературы

- [Ахшарумов Н. Д.] Чернов. Двойник // Отечественные записки. 1850. Т. LXIX.
Белинский В. Г. Петербургский сборник // Белинский В. Г. Собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 10.
- Блеск и нищета национального гения: Бодлер, По, Достоевский / Под ред. С. Фокина, А. Ураковой. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998.
- Володина Н. В. Повесть Н. Ахшарумова «Двойник» в системе литературных связей // Череповецкие научные чтения. Череповец, 2015.
- Володина Н. В. «Двойник» Ф. М. Достоевского и «Двойник» Н. Д. Ахшарумова: проблема литературных связей // Stephanos. 2016.
- Диакторская О. Г. Петербургская повесть Достоевского. СПб., 1999. 350 с.
- Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 1; 1996. Т. 15.
- [Дружинин А. В.] Письма иногороднего подписчика в редакцию «Современника» о русской журналистике (XII) // Современник. 1850. Т. 6.
- Зыкова Г. В. Поэтика русского журнала 1830–1870 гг. М.: Изд-во МГУ, 2005.
- Казаков А. А. Ценностная архитектура произведений Достоевского. Томск: Изд-во ТГУ, 2012. 253 с.
- Козлов А. Е. «Двойник» Ф. М. Достоевского и «Двойник» Н. Д. Ахшарумова: к вопросу о лингвостилевой организации вторичного текста // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1.
- Майков А. Н. Двойник // Отечественные записки. 1847. Т. 1.
- [Некрасов Н. А.] От редакции «Современника». Литературные объяснения // Современник. 1850. № 11. С. 100.
- Полковникова Н. В. Мотив игры в повести Н. Д. Ахшарумова «Двойник» // Изв. ПГУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27.
- Печерская Т. И. Поэтика повестей Ф. М. Достоевского 1840–1860-х гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1989. 16 с.
- Печерская Т. И. Пересказ сюжета как способ его присвоения (полемика вокруг романа И. С. Тургенева «Отцы и дети») // Сюжетология и сюжетография. 2015. № 1. С. 83–93.
- Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
- Фридендер Г. М. Комментарий // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 1.
- Эдельсон Е. Н. «Отечественные записки» в 1850 году. (Учено-литературный журнал, издаваемый А. Краевским) // Москвитянин. 1851. № 1. С. 134.
- Fanger D. Dostoevsky and romantic realism: A study of Dostoevsky in relation to Balzac, Dickens and Gogol. Cambridge, 1965.
- Н. Осенние толки о русских журналах // Отечественные записки. 1850. № 10.

A. E. Kozlov

Novosibirsk State Pedagogical University

**«AKHSHARUMOV VARIATIONS» IN RUSSIAN LITERATURE:
Mr. DVOYNIK DVOYNIKOVA**

In the article, in the aspect of the interaction between classics and fiction, a deliberately literary debut is analyzed. The functioning of the secondary text is studied through the mechanisms of attribution of authorial poetics at the level of the plot, style and reception, taking into account the pragmatics of the participation of the agents of the publishing process: writer, publisher, literary criticism.

A special episode from the history of Russian fiction - the appearance in the press of the story "The Double" after the arrest of so-called "first Russian socialists" ("petrashevtsy") – is regarded as typical for the field of fiction and non-standard for writing ethics. It is no coincidence that the author of the story, brother of Petrashevsky Dmitry Akhsharumov, Nikolai Akhsharumov hid his authorship for the rest of his life, and critics and contemporaries met this work with bewilderment. In many reviews, from our point of view, there is a veiled comparison of the newly appeared "Double" with the Petersburg poem of Dostoevsky, whose name, for obvious reasons, was "a figure of silence".

In the article, the boundaries and possibilities of the secondary text are considered: starting from the plot of Dostoevsky's absurdist story, Akhsharumov returns normality to her, carrying out a kind of reverse translation of the work.

The debut work of Akhsharumov not only determined his literary reputation, but also the obvious direction of criticism against him: he was perceived first of all (not always, by the way, justified) as Dostoevsky's epigone. Did Akhsharumov himself want to, or hoped to make a splash, to become a new Dostoevsky, a pupil who surpassed the teacher? It is not possible to answer this question clearly, but it is obvious that Akhsharumov's "Double" defines the profile of the writer's author's personality with his passion for other names in literature and life and the specific socio-cultural role of the epigone – literally following in the footsteps.

Summarizing, we note: the phrase "The Double of Mr. Double", pronounced in the title of the article, was used by N. A. Nekrasov in a concrete historical and literary situation about a specific text, but his semantic capacity seems to describe a whole range of imitative phenomena. Indeed, the evolution of literature is marked not only by the constant indignation of the literary field and by the adoption of precedent texts, but also by a kind of duplication and multiplication, as a result of which rudiments and atavisms of style, plot, narrative are more quickly recognized. Therefore, the observations described above can be extended to many phenomena of the fictional, so-called epigone literature.

Keywords: Akhsharumov's variation plot and storyline, fiction, secondary and alternative, Russian literature of the XIX century, Dostoevsky.

References

- [Akhsharumov N. D.] Chernov. The Double. *The Native Notes*, 1850, vol. LXIX. (in Russ.)
- [Druzhinin A. V.] Pis'ma inogorodnego podpischika v redaktsiyu «Sovremennika» o russkoy zhurnalistike (XII) [Letters to the editorial office of a nonresident subscriber (12)]. *The Contemporary*, 1850, vol. VI. (in Russ.)
- Belinskiy V. G. Peterburgskiy sbornik [Petersburg Collection]. In: Belinskiy V. G. Collected Works. In 13 vols. Moscow, 1956, vol. 10. (in Russ.)
- Blesk i Nishcheta Natsional'nogo Geniya: Bodler, Poe, Dostoevsky [The Splendors and Miseries of National Genius: Bodler, Poe, Dostoevsky]. Moscow, 2017. (in Russ.)
- Bloom H. *The Anxiety of Influence: A Theory of Poetry*. Ekaterinburg, 1998. (in Russ.)
- Dilaktorskaya O. G. Peterburgskaya povest' Dostoevskogo [Petersburg Novel of Dostoevsky]. St. Petersburg, 1999. (in Russ.)

- Dostoevsky F. M. Collected Works. In 30 vols. Leningrad, 1972, vol. 1; 1996, vol. 15. (in Russ.)
- Edelson E. N. «Otechestvenne zapiski» v 1850 godu. (Ucheno-literaturnyy zhurnal, izdavaemyy A. Kraevskim) [“The Native Notes” in 1850th]. *Moskvityanin*, 1851, no. 1. (in Russ.)
- Fanger D. Dostoevsky and romantic realism: A study of Dostoevsky in relation to Balzac, Dickens and Gogol. Cambridge, 1965.
- Fridlender G. M. Comments. In: Dostoevsky F. M. Collected works. In 30 vols. Leningrad, 1972, vol. 1. (in Russ.)
- Kazakov A. A. Tsennostnaya arkhitektonika proizvedeniy Dostoevskogo [Axilological Architectonic of Dostoevsky novels]. Tomsk, 2012. (in Russ.)
- Kozlov A. E. «Dvoynik» F. M. Dostoevskogo i «Dvoynik» N. D. Akhsharumova: k voprosu o lingvisticheskoy organizatsii vtorichnogo teksta [«The Double» of Dostoevsky and «The Double» of Akhsharumov: to the problem of stylistic organization of a secondary text]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*, 2017, no. 1. (in Russ.)
- Maykov A. N. The Double. *The Native Notes*, 1847, vol. L. (in Russ.)
- [Nekrasov N. A.] Ot redaktsii “Sovremennika”. Literaturnye ob'yasneniya. *Sovremennik*, 1850, no. 11, p. 100. (in Russ.)
- N. Osennie tolki o russkikh zhurnalakh [Autumn conversations about Russian Magazines]. *The Native Notes*, 1850, no. 10. (in Russ.)
- Pecherskaya T. I. Pereskaz syuzheta kak sposob ego prisvoeniya (polemika vokrug romana I. S. Turgeneva «Ottsy i deti») [Retelling of Story as Method of His Attribution]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*, 2015, no. 1. (in Russ.)
- Pecherskaya T. I. Poetika povestey F.M. Dostoevskogo 1840–1860-kh gg. [Poetics of Dostoevsky novels 1840–1860]. Tomsk, 1989. (in Russ.)
- Polkovnikova N. V. Motiv igry v povesti N. D. Akhsharumova «Dvoynik» [Motif of game in the Akhsharumov's novel “The Double”]. *Bulletin of Pskov State University im. V. G. Belinskogo*, 2012, no. 27. (in Russ.)
- Reytblat A. I. Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury [From Bova to Balmont and other works about Historical Sociology]. Moscow, 2009. (in Russ.)
- Volodina N. V. «Dvoynik» F. M. Dostoevskogo i «Dvoynik» N. D. Akhsharumova: problema literaturnykh svyazey [«The Double» of Dostoevsky and «The Double» of Akhsharumov: Problems of Literature Connections]. *Stephanos*, 2016. (in Russ.)
- Volodina N. V. Povest' N. Akhsharumova «Dvoynik» v sisteme literaturnykh svyazey [Novel “The Double” of N. Akhsharumov in System of Literature Allusion]. *Cherepovetskie nauchnye chteniya*. Cherepovets, 2015. (in Russ.)
- Zykova G. V. Poetika russkogo zhurnala 1830–1870 [Poetics of Russian Magazines of 1830–1870]. Moscow, 2005. (in Russ.)

Alexey E. Kozlov – Senior lecturer of Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methods of Teaching Literature, Institute of Philology, Mass-Information and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, alexey-kozlov@rambler.ru.